

Подберёзкин Ф. Д.

**Псковская агиография как источник по истории
русско-ливонских отношений XIII-XV вв.: к постановке вопроса**

Отдельные жития псковских святых привлекались ранее при изучении реалий позднесредневековой Ливонии¹. Однако псковская агиография в целом редко используется исследователями русско-ливонских отношений XIII-XV вв. Это объясняется несколькими факторами. Во-первых, присутствует скептицизм в отношении житий как источника достоверной исторической информации. Во-вторых, в силу жанровых особенностей, собственно «исторических» сведений в житиях немного. Наша статья носит постановочный характер: мы попытаемся определить актуальность материала псковских житий при изучении русско-ливонских отношений в XIII-XV вв., а также наметить новые возможности привлечения псковской агиографии при изучении отдельных аспектов проблемы. Период нашего исследования ограничивается второй половиной XIII – концом XV веков. Это связано с тем, что во второй половине XIII в. заканчивается время общего крестового похода «латинян» на Русь и начинается период пограничных столкновений и локальных войн между Псковом, Новгородом и Ливонией. Как будет показано ниже, XV в. связан с обострением конфессионального противостояния Руси и Ливонии и появлением ряда житий, его отражающих. Начало XVI в. являлось уже качественно новым периодом в конфессиональной истории Ливонии (в связи с распространением идей Реформации), и потому выходит за рамки нашего интереса.

«Немцы» в рассказах о псковских святых являются «врагами», термин «латиняне» и «немцы» в житийной литературе носят исключительно негативный конфессиональный оттенок. В то же время в летописном изложении «латиняне» иногда являются политическими контрагентами – поэтому в фокус псковских и новгородских летописцев не всегда попадали истории о притеснении православных христиан в Ливонии и в пограничных с Псковом землях, которые можно найти в агиографической литературе².

У нас есть основания утверждать, что для многих сюжетов о грабежах и убийствах православных христиан «погаными немцами» летописец использовал устную традицию почитания святых. Так, сообщение о мироточении иконы над гробом убитой незадолго до этого в Ливонии жены Ярослава Владимировича в 1243 г., привоз «стекляниц» с миром в Новгород и Псков в том же году³ поз-

¹ Selart A. Der Dorpater Priestmartyrer Isidor und die Geschichte Alt-Livlands im 15. Jahrhundert. *Ostkirchliche Studien*, 1999, vol. 48, S. 144-164.

² Так, псковский летописец не «интересовался» мученичеством св. Исидора Юрьевского в 1472 г., т.к. в его фокусе были другие, более важные политические события: *Костромин К. А.* Исидор и Иоанн – православные священники г. Тарту во второй половине XV века // *Провинциальное духовенство дореволюционной России.* Сб. науч. тр. междунар. заоч. конф. Вып. 3. Тверь, 2008. С. 295-304.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 79.

воляет говорить о ранней, зафиксированной в летописи традиции почитания мученицы⁴. Упоминание имен убитых во время немецкого нашествия 1299 г. иноков (в том числе св. Василия Мирожского и св. Иоасафа Снетогорского⁵) может свидетельствовать об использовании псковским летописцем монастырских синодиков и прологов, где убитые иноки почитались⁶. Из сообщений о возвращении немцами икон для отдельных церквей⁷, нападениях на иноческие общежития⁸ можно также предполагать использование летописцем устной приходской и монастырской традиции.

Следовательно, можно говорить о существовании монастырской рецепции русско-ливонского конфликта XIII-XV вв. В фокусе этой рецепции были исключительно конфликтные ситуации – которые не всегда имели далеко идущие политические последствия, но носили характер конфессионального противостояния и потому были важными для составителей житийной литературы. Значит, можно выделить агиографию как отдельную группу источников по истории русско-ливонского противостояния, объектом интереса которой были не войны и договоры, а бытовые конфликты на «религиозной почве». В связи с этим представляется возможной периодизация конфессионального противостояния Руси с «латинством» в XIII-XV вв. на основании житийной литературы, о чем будет сказано ниже.

Говоря об особой монашеской традиции восприятия русско-ливонского конфликта, мы подразумеваем передачу сведений о нем от одного лица к другому. Попытаемся выяснить, кто и когда в монашеской среде Псковской земли мог передавать информацию о делах «поганых».

Косвенные данные об источниках информации об убиении св. Евпраксии в немецком Оденпе (Медвежья голова) содержатся в сообщении новгородской летописи: «Того же месяца в 18, на память святого мученика Александра, явися знаменье в Плескове у святого Иоана в монастыри, от иконы святого Спаса над гробом княгынином Ярославле Володимирича, юже уби свои пасынок в Медвежи голове: иде мюро от иконы по 12 днии, найде 4 вощаницы яко в стеклянницу; и привезоша в Новгород две на благословение, а в Плескове остави две себе»⁹.

Отсюда следует, что вероятными инициаторами транспортировки трупа княгини из Оденпе были инокини монастыря святого Иоанна. От них о мироточении иконы св. Спаса узнали в Пскове, а затем и в Новгороде. Вероятнее всего, после чуда мироточения весть об убийстве княгини в Оденпе при посредничестве инокинь и паломников дошла до Пскова и Новгорода¹⁰. Согласно более

---

⁴ Традиционно в агиографии княгиня называется Евпраксией (Избранные жития святых по изложению Филарета Черниговского. Месяц октябрь. Барнаул, 2005. С. 25), однако в летописи имя княгини не упоминается.

⁵ Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955 (далее – ПЛ). С. 86.

⁶ При этом имена убитых иноков присутствуют во всех редакциях Повести о Довмонте, но не во всех списках редакции Псковской Первой летописи (Охотникова В. И. Псковская агиография XIV-XVII вв. Т. 1. Жития князей Всеволода-Гавриила и Тимофея Довмонта (исследования и тексты). СПб., 2007. С. 167-168).

⁷ Например, икон церкви на Желачке в 1461 г. (ПЛ. Вып. 1. М., Л., 1941. С. 61).

⁸ См. публикацию Повести о Псково-Печерском монастыре (Серебрянский Н.И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С. 548-549).

⁹ НПЛ. С. 79.

¹⁰ Примечательно, что названный сюжет отсутствует в псковских летописях.

позднему источнику, «Степенной книге», «вощаницы» с миром разносили «чин священный и множество людей». В то же время обстоятельства смерти мученицы в Оденпе не уточняются по сравнению с летописной записью¹¹. Итак, в данном случае (заказное?) убийство святой в Ливонии сравнительно быстро стало «достоянием общественности», а монастырь святого Иоанна уже не обладал монополией на память о ней.

На наш взгляд, начало складывания непрерывного монастырского предания о «поганых» следует относить к концу XIII в. В псковских летописях есть упоминания имен убитых во время немецкого нашествия 1299 г. иноков Василия Мирожского, и Иоасафа Снетогорского: «Тоа же зимы, грех ради наших, изгониша Немци изгонною ратью посад у Пскова... и избиша игумены, тогда убиен бысть Василей игумен святого Спаса, Иосиф прозвоутер, Иоасаф игумен святей Богородици Снятной горе, и с ними 17 мних и чернеца и черницы и убогыя и жены и малыя дети, а муж Бог ублюде»¹².

Нападение на монастыри было для немцев малозначимым и обыденным явлением – это и могло бы объяснить отсутствие сообщения о нем в немецких источниках¹³. В то же время указание точного числа (17) и имен убитых, как и других подробностей нападения в русских источниках позволяет говорить, что псковский летописец получил сведения «из первых рук», т.е. от выживших «мужей», живших неподалеку от Снетогорского монастыря. Процитированное сообщение Псковской Третьей летописи принадлежит к одной из редакций «Повести о Довмонте»¹⁴. Т.е., в данном случае летописец пользовался складывавшейся агиографической традицией. Память о делах «поганых» поддерживалась не только рассказами иноков Снетогорского и Мирожского монастырей, но и своеобразной «фигурой памяти»¹⁵ – мощами иноков, которые хранятся «под спудом»¹⁶.

Приблизительно в первой четверти XV в. в Снетогорском монастыре принял постриг св. Ефросин Псковский (1386-1481), основатель Елеазарова монастыря¹⁷. Вероятнее всего, св. Ефросин был хорошо осведомлен и о мучениче-

¹¹ ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. СПб., 1908. С. 277.

¹² ПЛ. Вып. 2. С. 86.

¹³ В немецких источниках не сообщается о нападении на монастыри зимой-весной 1299 г. Однако имеются документы, на которые стоит обратить внимание. Во-первых, это приглашение папы римского Бонифация VIII ливонскому магистру явиться в Рим (январь 1299) (Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. I. Reval, 1853. S. 724). Во-вторых, подтверждение дерптского епископа Бернхарда дарования князем Ярославом Владимировичем (1248) части Псковского княжества Немецкому ордену (февраль 1299) (Liv-, Est- und Curländische Urkunden-Regesten bis zum Jahre 1300. Leipzig, 1881. S. 106). Как кажется, оба события либо одно из них – консультации ливонского магистра у папы, дарование территории княжества, на которой располагались монастыри – могли повлиять на решение ливонского магистра организовать поход на псковские земли, в процессе чего и были убиты иноки.

¹⁴ Охотникова В. И. Псковская агиография XIV-XVII вв. С. 367.

¹⁵ Используется термин исследователя «культурной памяти» Яна Ассмана (см. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004).

¹⁶ Избранные жития святых по изложению Филарета Черниговского. Месяц март. Барнаул, 2007. С. 11.

¹⁷ Охотникова В. И. Краткая редакция жития Ефросина Псковского по рукописи из собрания Овчинникова (РГБ) // ТОДРЛ. Т. 52. СПб., 2001. С. 604.

ской кончине святогорских иноков в 1299 г., и о постоянной ведущейся «малой войне»¹⁸ на псковско-ливонском пограничье¹⁹. Однако, если не считать запрета носить немецкую одежду в уставе св. Ефросина²⁰, никаких других антинемецких мотивов в его речениях и деятельности в источниках не сохранилось.

В большей мере антилатинскую направленность мы находим в житии сподвижника и первого ученика св. Ефросина – св. Серапиона Псковского. Св. Серапион родился в Юрьеве, занимался апологией тамошней православной общины и миссионерством среди латинян. Вследствие миссионерской деятельности св. Серапион вошел в конфликт с властями Юрьева и переселился в монастырь на р. Толве, где жил после своего ухода из Снетогорского монастыря св. Ефросин. Но и здесь святой не оставался в стороне от политики – согласно житию, он предсказал нашествие немцев на псковские земли в 1480 г. (в год своей смерти), как и то, что Елеазарова обитель уцелеет²¹.

Вполне вероятно, что св. Исидор Юрьевский, встретивший мученическую кончину в 1472 г., знал св. Серапиона Псковского: они принадлежали к той же среде православной общины Юрьева и жили примерно в одно время. В особенности, проповедническая деятельность св. Исидора в Юрьеве как бы продолжала дело св. Серапиона, делала его «сияющей звездой» местной православной общины²². Сведения о мученичестве св. Исидора распространялись по двум «каналам памяти». Первым следует считать краткую редакцию его жития. Повидимому, она была написана незадолго после 1472 г., анонимным очевидцем события с целью воспоминания²³. Устная традиция могла поддерживаться посредством соратника св. Исидора – св. Ионы Псково-Печерского, пришедшего в Юрьев из Москвы («Шестника»). Св. Иона Шестник лично знал св. Исидора, однако незадолго до гонения 1472 г. переселился из Юрьева и впоследствии основал Псково-Печерский монастырь²⁴. Вне сомнения, св. Иона рассказывал инокам и паломникам Псково-Печерского монастыря о латинских гонениях в Юрьеве. Нападения немцев на монастырь отражены в «Повести о Псково-Печерском монастыре»²⁵. Вполне вероятно, что рассказы св. Ионы и послужили предлогом

---

¹⁸ Термин «малая пограничная война» взят у историка Карла Фридриха фон Штерна (см. *Stern K. Der Kleinkrieg um die Ostgrenze im 15. Jahrhundert. Baltische Monatschrift*, Riga, 1937).

¹⁹ В особенности ливонский набег 1427 г. незадолго после ухода св. Ефросина из Снетогорского монастыря (ПЛ. Вып. 2. С. 124).

²⁰ Древнерусские иноческие уставы. М., 2001. С. 51.

²¹ См. *Серебрянский Н. Я. Житие преподобного Серапиона Псковского*. Псков, 1906.

²² *Рогов А. И. «Повесть об Исидоре Юрьевском» как исторический источник и памятник русской публицистики периода Ливонской войны // Славяно-германские культурные связи и отношения*. М., 1969. С. 323.

²³ *Костромин К. А. Исидор и Иоанн – православные священники г. Тарту во второй половине XV века*. С. 295-304.

²⁴ *Будилович А. С. О русском Юрьеве старого времени в связи с житием священномученика Исидора и с ним сопострадавших 72 юрьевских мучеников // Сборник учено-литературного общества при императорском Юрьевском университете*. Т. IV. Юрьев, 1901. С. 94.

²⁵ *Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле*. С. 548-549.

для включения пунктов о «Русском конце» и «юрьевской дани» в текст договора Новгорода и Пскова с епископом Дерпта в 1474 г.²⁶

Итак, попытаемся реконструировать последовательность монастырского предания о конфликте с «погаными». Несмотря на то, что в монастыре св. Иоанна могли знать, кто и почему убил св. Евпраксию в немецком Оденпе в 1243 г., краткое сообщение об этом событии не позволяет делать выводы об антинемецкой риторике в среде псковских монастырей середины XIII в. Начало предания следует относить к 1299 г., когда в конце княжения св. Довмонта немцы напали сразу на несколько монастырей Псковской земли; тогда же, с обретением трупов св. Василия Мирожского и св. Иоасафа Снегогорского началось почитание святых и составление житийной литературы, где немцы приобрели статус «гонителей» христианства. Из среды Снегогорского монастыря вышел св. Ефросин Псковский, чей ученик и соратник св. Серапион Псковский сам был выходцем из немецкого Юрьева. Вероятно, продолжателем миссионерской деятельности св. Серапиона в Юрьеве был св. Исидор Юрьевский, убитый в результате гонений на православную общину Юрьева в 1472 г. Соратник св. Исидора, св. Иона вышел из Юрьева и основал Псково-Печерский монастырь, который впоследствии также испытывал нападения немцев. Таким образом, сразу несколько монастырей Псковской земли – св. Иоанна, Мирожский, Снегогорский, Елеазаров, Псково-Печерский – вместе с православной общиной Юрьева являлись «местами памяти» о гонениях «немцев», где устно и независимо от летописной традиции передавались события русско-ливонского конфессионального противостояния между Псковом и Ливонией.

Несмотря на то, что антилатинскую риторику можно встретить в посланиях русских церковных иерархов ещё второй половины XI в.²⁷, начало конфессионального противостояния Руси и «латинства» в литературе относят не ранее 30-40-х гг. XIII в.²⁸ Неудачный для Немецкого ордена, ливонских государств и Швеции исход противостояния с Новгородом и Псковом в 40-60-х гг. XIII в. как будто поставил «точку» на планах вовлечения Руси в католическое пространство путем крестовых походов. Дальнейшие конфликты на границах Пскова и Ливонии назывались «малыми пограничными войнами», тем самым подчеркивался их локальный и бытовой характер. Однако обращение к сюжетам агиографии позволяет несколько релятивировать такую характеристику русско-ливонских конфликтов конца XIII-XV вв. Приведем примеры.

Само чудо мироточения иконы над гробом княгини Ярослава Владимировича в 1243 г. позволяет сказать, что убитая княгиня в христианском восприятии была почтена свыше как страдальца за православие, т.е. «суд и месть» «поганым» за кровь св. Евпраксии должны были исполниться через «малое время» (Откр. 6:10).

«Повесть о Довмонте» называет немцев «погаными латынами», идущими «без Бога». Князь Довмонт, подобно Александру Невскому и библейскому царю Езекии склоняется перед церковным алтарем, готовясь отразить очеред-

²⁶ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 133.

²⁷ Например, в посланиях св. Феодосия Печерского и киевского митрополита Никифора: Памятники общественной мысли Древней Руси. Т. 1. Под ред. И. Н. Данилевского. М., 2010. С. 296, 305.

²⁸ Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира. XIII век. СПб., 2004. С. 129.

ную атаку «латинян». Вместе с ним меч берет игумен Сидор и «иерейский чин»²⁹. Таким образом, светская и духовная власть объединяются в противостоянии с «ересью». Обретение трупов убитых немцами в 1299 г. иноков очевидно воспринималось как «знак свыше».

Сообщение о возвращении похищенных икон церкви на Желачке (1461)³⁰ по сюжету сходно с более ранними упоминаниями грабежей немцами русских икон³¹; в целом, наличие церковных артефактов усиливало одну из сторон, а их возвращение свидетельствовало о восстановлении Божественного милосердия³². Грабежи и нападения немцев в 60-е – 70-е гг. XV в. упоминаются также в житии св. Илариона Гдовского, основателя Покровского монастыря³³.

В русско-ливонской перемирной грамоте 1463 г. был пункт о запрете «обида святым церквам»³⁴. Примечательно, что именно в год по истечении 9 лет перемирия (1472) произошло гонение на Русский конец Юрьева и мученичество св. Исидора и еще 72 православных. Недавно опубликованный исследователем А. В. Барановым отрывок из письма ливонского магистра Бернда фон дер Борха верховному магистру Генриху фон Рихтенбергу (1472) свидетельствует о том, что в 1472 г. к приезду царевны Зои Палеолог в Юрьев от великого князя московского, а, следовательно, и от русского населения Юрьева ждали перехода в католичество³⁵. Вполне вероятно, что неоправданные «ожидания» и повлекли гонение 1472 г. В любом случае, это событие могло существенно повлиять на включение подробных пунктов о защите русских церквей Юрьева в договоре Пскова и Дерпта 1474 г.³⁶

Уход двух святых из Юрьева – св. Серапиона и впоследствии св. Ионы Шестника – свидетельствует, что «притеснения православных» в Юрьеве были не просто клише московской дипломатии, но реальностью русской общины Юрьева XV в. Предсказание св. Серапиона о походе немцев на псковские земли в год его смерти (1480) придавало немецким гонениям эсхатологические характеристики³⁷.

Итак, приведенные примеры позволяют говорить о том, что со второй половины XIII в. конфессиональный конфликт себя не исчерпал, но развивался в русле локальных столкновений, грабежей монастырей и гонений в Юрьеве.

²⁹ ПЛ. Вып. 1. М., Л., 1941. С. 3-4.

³⁰ Там же. С. 61.

³¹ См.: Heinrichs Livländische Chronik. Hannover, 1955. S. 184-185.

³² Например, спасение иконы Богоматери Одигитрии при захвате Константинополя никейским императором Михаилом (*Никифор Григора*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Рязань, 2004. С. 84). См. также: *Подберёзкин Ф. Д.* Братья-ефремяне: Русь начала XIII в. глазами ливонских пилигримов // *Colloquia Russica*. Сер. 1. Т. 6. Краков, 2016. С. 131-136.

³³ Избранные жития святых... Месяц март. С. 38.

³⁴ ПЛ. Вып. 2. М., 1955. С. 155-156.

³⁵ «Вышеназванный король Москвы, как мы полагаем, в качестве условия для получения этой девы поклялся принять христианство (т.е. католичество), но дева не хочет ехать ни к нему, ни в его землю, пока не убедится, что он – христианин (т.е. католик)» (цит. по: *Баранов А. В.* Русско-ливонские переговоры 1474 года: предпосылки, переговоры, последствия // *Средневековая Русь*. Т. 12. М., 2016. С. 225).

³⁶ ГВНП. С. 133.

³⁷ Налицо сюжетная параллель этого факта жития св. Серапиона с предсказаниями о военных походах библейского пророка Елисея (4 Цар. 3:12).

Попытаемся провести периодизацию русско-ливонского конфессионального конфликта XIII-XV вв. Гонения латинян отражены как минимум в 4 житиях святых XIII в. (св. Евпраксии, св. Довмонта, св. Василия Мирожского и св. Иоасафа Снетогорского) и в 4 житиях святых XV в. (св. Серапиона, св. Исидора, св. Ионы, св. Илариона Гдовского) Начиная с мученичества св. Евпраксии в 1243 г. конфессиональный конфликт характеризовался нападением «поганых» на иноков и иноческие общежития, грабежом церковной утвари. Наиболее масштабным было нападение 1299 г. сразу на несколько псковских монастырей, что и повлекло организацию ответного похода князя Довмонта, носившего характер «возмездия». Следующим обострением конфессионального противостояния был период с первой четверти до конца XV в. В это время были основаны новые монастыри и появилась новая монашеская традиция, основанная святыми Ефросином и Серапионом, св. Ионой Псково-Печерским. С именами этих иноков связаны гонения немцев на жителей Юрьева в XV в., нападения на монашеские обители. Весьма вероятно, что гонения на православные общины в Ливонии и за ее пределами активизировали ливонский вектор политики Ивана III и обусловили включение в тексты русско-ливонских договоров пунктов о защите церковью «Русского конца» в Юрьеве. Таким образом, материалы псковской агиографии делают возможным отделить «светские» стычки от столкновений на конфессиональной почве.

С помощью синтеза материалов псковских житий со сведениями псковских летописей и псковско-дерптских договоров можно наметить новые перспективы исследования проблемных вопросов истории русско-ливонских взаимоотношений в Позднем средневековье. Здесь мы подробнее остановимся на проблеме происхождения знаменитой «юрьевской дани» и тем сведениям из «Страдания» св. Исидора Юрьевского, которые, на наш взгляд, могли бы пролить свет на обстоятельства появления требований платежей дерптского епископа в пользу великого князя московского в русско-ливонских договорах второй половины XV в.

Пункты о «юрьевской дани» впервые появляются в договорах 1463 и 1474 г., а затем неизменно повторяются в договорах Пскова с Дерптом 1509³⁸, 1550³⁹, 1554⁴⁰ гг. За период почти 90 лет (1463-1554) нет ни одного свидетельства о том, что упомянутая в договорах дань действительно платилась. Это могло быть обусловлено тем, что пункт о дани понимался русской стороной символически.

Необходимо обратить внимание на саму формулировку «дани» в договорных грамотах Пскова с Дерптским епископом. В самом раннем известии о дани – договоре 1463 г. – говорится о «послине», а не прямо о «дани»: «Тогда же и о **послине** великих княжеи, что в Юрьеве, а то бискупу великому князю давати по старине»⁴¹. Во всех последующих договорах с 1474 по 1554 гг. вместо «послины» в отношении необходимых выплат епископа Дерпта употребляется слово «дань». Слово «пошлина» имеет несколько значений – так могли назы-

³⁸ Шаскольский И. П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 381.

³⁹ Филошкин А. И., Попов В. Е. Русско-ливонские договоры 1554 г. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2010. №1 (7). Январь-июнь. С. 112.

⁴⁰ Там же. С. 125 (публикация текста договора псковских наместников с дерптским епископом).

⁴¹ ПЛ. Вып. 2. С. 155-156.

ваться «исконный обычай», «исконные права» и, собственно, «дань, налог»⁴². В крестоцеловании псковского великокняжеского наместника Ивана Звенигородского в том же 1463 г. под пошлиной имеются ввиду великокняжеские права: «и даша ему всю князю пошлину и целова крест по псковской пошлине и по их воли»⁴³.

Таким образом, сомнительно однозначно отождествлять «пошлину великих князей» с «юрьевской данью». Если последняя и подразумевалась в «пошлине» как своде неизвестных нам прав великого князя в Юрьеве, то формально она пока не была закреплена. При этом заметим, что во второй половине XV в. Дерпт, как и вся Ливония еще не рассматривались как «отчина» великих князей московских⁴⁴. Значит, великий князь Иван III не рассматривал «великокняжескую пошлину» в Юрьеве так же, как пошлину московских наместников в своих «отчинах» – Пскове и Новгороде.

Прямая связь Юрьева с великокняжеской властью и сбор «заповедной дани» подчеркивались в нарративной традиции начиная с древнерусских времен⁴⁵. Следовательно, произошло событие, которое представило возможность дипломатам великого князя московского интерпретировать «пошлину великих князей» в договоре 1463 г. как «дань великих князей» с «бискупа» в последующем договоре 1474 г. – «вспомнив» таким образом «заповедную дань». Перемирие 1463 г. было рассчитано на 9 лет⁴⁶ – до 1472 г.

В псковской агиографии 1472 г. связывается с мученичеством святого Исидора Юрьевского и 72 «иже с ним пострадавших». Согласно житию, главным инициатором гонений был епископ Дерптский, который судил мучеников. Вероятно, это гонение и могло стать тем событием, в результате которого великий князь Иван III решил «напомнить» епископу, о своих правах («пошлине») как защитника православия в Юрьеве. В данном контексте с помощью традиции «заповедной дани» можно было одновременно обосновать свои религиозные права на «русский» Юрьев. Пример такого обоснования представляет собой распространенная редакция жития Исидора Юрьевского созданная в 1559-1563 гг.⁴⁷: житие начинается с сюжета об основании Юрьева Ярославом Мудрым в 1030 г. и поставлении тамошних церквей. Таким образом, для великих князей московских «пошлина» как право и «дань» как исторический налог с 1474 г. стояли в одном смысловом ряду. Заметим, что «пошлина» и «дань» имели пока только символическое значение (важное для великого князя) и поэтому послы Дерпта легко сменили «пошлину» на требуемую «дань» в договоре 1474 г., понимая важность формальных пунктов (таких, как титул, «отчина» и т.п.) для русской стороны. Таким образом, включение пункта о «дани» в договорах Пскова и Дерпта 1474–

⁴² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб., 1895. С. 1333-1334.

⁴³ ПЛ. Вып. 1. С. 65.

⁴⁴ Selart A. Livland – ein russisches Erbland? *Russland an der Ostsee. Imperiale Strategien der Macht und kulturelle Wahrnehmungsmuster (16. bis 20. Jahrhundert)*, Köln, 2012, S. 33-37.

⁴⁵ См.: Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева. СПб., 1996. С. 65 (известие об основании Юрьева); НПЛ, с. 183 («заповедание» дани сосолов); Там же, С. 23, 40, 73, 83 (военные походы великих князей на Юрьев 1133, 1191, 1234, 1262 гг.).

⁴⁶ ПЛ. Вып. 2. С. 155.

⁴⁷ Костромин К. А. Исидор и Иоанн – православные священники г. Тарту во второй половине XV века. С. 295-304.

1554 г. можно понимать в контексте создания образа епископа Дерпта как «врага православия» в агиографической литературе второй половины XV – XVI вв.

Житийная литература открывает новые стороны жизни на русско-ливонском пограничье «по ту сторону большой политики». В фокусе авторов житий были события узколокального характера: как правило, стычки конфессионального характера, убийства, гонения, грабежи монастырей. Вследствие данной информации можно говорить о трансформации идеи крестового похода против «схизматиков» середины XIII в. в «малые пограничные войны», когда целью «латинян» было препятствовать миссионерской деятельности псковского монашества. Память о конфессиональных столкновениях второй половины XIII – XV вв. передавалась в монастырских кругах, в рамках устной и письменной традиции почитания псковских святых. О становлении непрерывного монастырского предания о конфликтах с «погаными» можно говорить начиная с нападения немцев на псковские монастыри в 1299 г. и мученичества св. Василия и св. Иоасафа. Оплотом памяти о «делах латинян» в XIII–XV вв. были Святогорский, Мирожский, Елеазаров, Псково-Печерский и Покровский монастыри, русская община Юрьева. Сведения, передаваемые в этих монастырях, и вошли в житийную литературу и сюжеты псковских летописей. На основании данной информации мы попытались провести периодизацию конфессиональных конфликтов в XIII–XV вв. Сделать это можно по наибольшему количеству житий, где упоминаются конфликты с немцами и сцены мученичества и гонений за веру. Это 40–90-е гг. XIII в. (жития св. Евпраксии, св. Довмонта, св. Василия и св. Иоасафа) и первая четверть – конец XV в. (жития св. Серапиона, св. Исидора, св. Ионы Шестника и св. Илариона Гдовского). Сравнительное изучение сведений из «Страдания» св. Исидора Юрьевского с материалами псковско-дерптских договоров 1463 и 1474 гг. помогает пролить свет на появление формулировки о «юрьевской дани» в русско-ливонских договорах второй половины XV в.

В заключение отметим: вполне возможно, что, предъявляя ливонскому посольству 1554 г. обвинения в небрежении о русских церквях, Иван IV пользовался материалами житийной литературы, собирание которой было начато при митрополите Макарии⁴⁸. Данный вопрос требует отдельного изучения.

Источники и литература

1. *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
2. *Баранов А. В.* Русско-ливонские переговоры 1474 года: предпосылки, переговоры, последствия // Средневековая Русь. Т. 12. М.: Индрик, 2016. С. 201–283.
3. *Будилович А. С.* О русском Юрьеве старого времени в связи с житием священномученика Исидора и с ним сопострадавших 72 юрьевских мучеников // Сборник учено-литературного общества при императорском Юрьевском университете. Т. IV. Юрьев, 1901. С. 75–144.
4. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1949.
5. *Никифор Григора.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Рязань: Византийская историческая библиотека, 2004.
6. Древнерусские иноческие уставы. М.: Северный паломник, 2001.
7. Избранные жития святых по изложению Филарета Черниговского. Месяц октябрь. Барнаул: Издательство прп. Максима Исповедника, 2005.

⁴⁸ *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М., 1997. С. 424–426.

Псковская агиография об истории русско-ливонских отношений

8. Избранные жития святых по изложению Филарета Черниговского. Месяц март. Барнаул: Издательство прп. Максима Исповедника, 2007.
9. *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М.: Терра, 1997.
10. *Костромин К. А.* Исидор и Иоанн – православные священники г. Тарту во второй половине XV века // Провинциальное духовенство дореволюционной России. Сб. науч. тр. междунар. заоч. конф. Вып. 3. Тверской государственный университет. Тверь: ТвГУ, 2008. С. 295-304.
11. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л., Издательство АН СССР, 1950.
12. *Охотникова В. И.* Краткая редакция жития Ефросина Псковского по рукописи из собрания Овчинникова (РГБ) // Труды отдела древнерусской литературы. Т.52. СПб., 2001. С. 293-348.
13. *Охотникова В. И.* Псковская агиография XIV-XVII вв. Т. 1. Жития князей Всеволода-Гавриила и Тимофея-Довмонта (исследования и тексты). СПб.: Дмитрий Буланин, 2007.
14. Памятники общественной мысли Древней Руси. Т.1. Под ред. И.Н. Данилевского. М.: РОССПЭН, 2010.
15. Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева. СПб.: Наука, 1996.
16. *Подберёзкин Ф. Д.* Братья-ефремяне: Русь начала XIII в. глазами ливонских пилигримов // *Colloquia Russica*. Сер. 1. Т.6. Краков, 2016. С. 131-136.
17. Полное собрание русских летописей. Т. 21. Ч. 1. СПб., 1908.
18. Псковские летописи. Вып. 1. М., Л.: Издательство АН СССР, 1941.
19. Псковские летописи. Вып. 2. М.: Издательство АН СССР, 1955.
20. *Рогов А. И.* «Повесть об Исидоре Юрьевском» как исторический источник и памятник русской публицистики периода Ливонской войны // Славяно-германские культурные связи и отношения. М.: Наука, 1969. С. 313-327.
21. *Серебрянский Н. И.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М.: Синодальная типография, 1908.
22. *Серебрянский Н. Я.* Житие преподобного Серапиона Псковского. Псков, 1906.
23. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб., 1895.
24. *Филошкин А. И., Попов В. Е.* Русско-ливонские договоры 1554 г. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. №1 (7). Январь-июнь.
25. *Флоря Б. Н.* У истоков религиозного раскола славянского мира. XIII век. СПб.: Алетейя, 2004.
26. *Шаскольский И. П.* Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в. М.: Издательство АН СССР, 1961. С. 376-398.
27. Heinrichs Livländische Chronik. Hannover, Hahnsche Buchhandlung, 1955.
28. Liv-, Est- und Curländische Urkunden-Regesten bis zum Jahre 1300. Leipzig, Duncker und Humblot, 1881.
29. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. I. Reval, 1853.
30. *Selart A.* Der Dorpater Priestmartyrer Isidor und die Geschichte Alt-Livlands im 15. Jahrhundert. *Ostkirchliche Studien*, 1999, vol. 48, S. 144-164.
31. *Selart A.* Livland – ein russisches Erbland? *Russland an der Ostsee. Imperiale Strategien der Macht und kulturelle Wahrnehmungsmuster (16. bis 20. Jahrhundert)*, Köln, 2012, S. 33-37.
32. *Stern K.* Der Kleinkrieg um die Ostgrenze im 15. Jahrhundert. *Baltische Monatschrift*, Riga, 1937.